

АНГЛО-ФРАНЦУЗСКАЯ ВОЙНА С ИСПАНИЕЙ,
1655—1659 годы

Каждая война, являясь крупным международным событием и будучи «продолжением политики, бывшей при мире, только иными средствами»¹, имеет свою дипломатическую историю.

Среди источников, освещающих дипломатическую историю войны Англии и Франции с Испанией (депеша венецианских дипломатов, письма Мазарини, договоры государств и инструкции послов, мемуары современников), привлекает особое внимание богатая коллекция документов государственного секретаря Зсорло, который может быть назван по выражению венецианского дипломата, «душой протектора»². «Его светлость нежно любит своего министра и доверяет ему больше, чем кому бы то ни было»³. Зсорло был назначен перед началом войны 1655 г. начальником почтовой службы; все почтовые сношения Англии оказывались под его контролем⁴. Иностранцы искали возможности иметь свидание с ним. Эта влиятельная роль Зсорло особенно ярко выступает как раз во время англо-французской войны с Испанией. К Зсорло сходились все многочисленные нити английской информации, разведки по особым заданиям и контрразведки о деятельности испанских информаторов в Англии.

Во время англо-французской войны против Испании в Англии усилилась потребность в информации о взаимных отношениях между европейскими государствами об их внутренней жизни. Это было время, когда воевала почти вся Европа: Турция с Венецией, Голландия с Португалией, Швеция с Польшей, потом с Россией и Данией; когда австрийские Габсбурги, возглавлявшие империю, поддерживали испанских; когда Англия стремилась сплотить протестантские государства Европы, чтобы опереться на них для достижения своих политических целей; когда Франция, видевшая в Габсбургах своих опаснейших противников, оказалась в одном лагере с Англией; когда, наконец, к европейским противоречиям уже присоединились противоречия колониальные в Ост- и Вест-Индии. Коллекция бумаг Зсорло позволяет составить представление о том, как обширны и разнообразны были источники политической информации, получаемой английским правительством. Её направляли в Лондон не только официальные представители английского правительства за границей: Бредшо, министр, проживавший в Гамбурге, изучавший политику северных держав, в том числе и Москвы; Пелл, английский резидент в Швейцарии, тесно связанный с протестантскими кантонами; Самуэл Морланд, женевский резидент, чокровительствовавший протестантам Пьемонта; Лонгленд, английский агент в Ливорно, сообщавший немало ценных сведений об испанофильской политике римского престола; полковник Бемфильд в Париже, сообщавший сведения о внутренней жизни Франции, в частности о народных волнениях; Эльдуорс, английский консул в Марселе; Бендиш, английский посол в Стамбуле, и т. д.

Рекомендуем материалы
раздела библиотеки
«Эпизоды истории средних веков»
<http://istmat.info/node/29199>

¹ Ленин. Соч. Т. XXVI, стр. 6.

² Venetian Calendar, XXX, 82.

³ Ibidem, XXI, 169.

⁴ Calendar of State papers, 1655, 286.

Весьма важные сведения доставляла и большая группа неофициальных информаторов, рассеянных по разным городам Западной Европы. Среди них выделялись информаторы, наблюдавшие за образом жизни и деятельностью Карла Стюарта, за политическими настроениями Мадрида, а также выявлявшие, кто из испанских информаторов проживает в Англии. Вербуя неофициальных информаторов, английские дипломаты стремились привлечь к этому делу в Европе лиц, пострадавших за свои протестантские убеждения в землях Габсбургов, в частности в Богемии. Таким образом, английская дипломатия могла вести свою линию не втёмную, а опираясь на хорошую осведомлённость об европейских делах. «Одно из главных правил этого правительства, — писал венецианский посол Сагрето дожу и сенату Венеции из Лондона 26 ноября 1655 г., — хранить свои секреты так крепко, чтобы никакие усилия не могли раскрыть истинной сущности их планов. Второе правило — содержать тайных шпионов всюду, чтобы получать информацию о всём, что происходит в мире. Несомненно, ни одно правительство на земле не раскрывает меньше свои собственные планы и не знает лучше чужих планов, чем английское»⁵.

Глубокий интерес коллекции Зсорло заключается ещё в том, что силы, враждебные тогдашней Англии, в то же время являлись и противниками нового английского политического строя, сложившегося в ходе революционной борьбы. Они же поддерживали врагов революции, во главе которых стояли бежавшие за границу члены династии Стюартов. Таким образом, исход войны с Испанией влиял и на судьбы английской революции. В битвах за порты и города Фландрии противостояли друг другу флот и полки, организованные Кромвелем, и отряды, состоявшие на службе у старой династии.

Вторым важнейшим источником для освещения дипломатической борьбы западноевропейских держав 1655—1659 гг. являются донесения венецианских дипломатов, посылавшие дожу и сенату Венеции из различных центров, особенно из Лондона, Парижа и Мадрида. Эти донесения дают последовательное изложение событий военных, дипломатических и внутренних, как они развивались в той стране, откуда идёт информация. Венецианцы, однако, не только наблюдали и констатировали факты, но и оценивали их с точки зрения интересов Венецианской республики: они стремились приоткрыть завесу, скрывавшую тайны дипломатических переговоров.

Венецианская дипломатия не уступала английской в своей широкой осведомлённости о европейских делах, она прибегала к разным источникам и средствам для собирания сведений. В Англии дипломаты Венеции интересовались ходом революционной борьбы, личными качествами Оливера Кромвеля и его сотрудников, парламентскими дебатами, состоянием флота, деятельностью торговых компаний. Посол Сагрето составил объяснительную записку об английской революции в 1656 году⁶. В Мадриде они наблюдали за состоянием финансов обширной империи, за упадком её торговли в связи с английской блокадой испанских берегов, за ролью духовенства, за мобилизацией военных сил, за политическими настроениями в Испанском государственном совете.

Французская дипломатия имела своего руководителя в лице кардинала Мазарини, громадная переписка которого с разными лицами — Тюренном, Лионом, Бордо, Бриеном — даёт очень много для понимания французской политики и приёмов французской дипломатии, преследовавшей очень широкие цели. Франция, руководимая Мазарини, шла к зениту своего внешнеполитического могущества в Европе. Письма Мазарини, всегда интересные по содержанию, полны остроумных замеча-

⁵ Venetian Calendar, XXX, 143.

⁶ Приложение к XXX тому Venetian Calendar, 299—313.

ний, дают понятие о дальновидности их автора. Написанные утончённым дипломатическим языком, они бросают свет не только на французскую политику, но и показывают хорошую осведомлённость Мазарини в делах Англии, Испании, Империи и других государств. Перечисленные источники бросают яркий свет на дипломатическую историю англо-французской войны с Испанией в период 1655—1659 годов.

★

Англо-французская война с Испанией 1655—1659 гг. имела длительную дипломатическую и военную подготовку со стороны Англии. Как только после респуска Малого парламента была принята новая конституция (инструмент управления) и О. Кромвель стал протектором республики Англии, Шотландии и Ирландии, он проявил себя как сторонник мира с Соединёнными провинциями. Статья 5-я новой конституции давала лорду-протектору право руководить внешней политикой и с согласия большинства Совета объявлять войну и заключать мир. Кромвель стоял за полное «объединение двух могущественных наций одинаковой веры»; в апреле 1654 г. был подписан мирный договор между Англией и Соединёнными провинциями. Тогда участились захваты французских кораблей английскими, и это вызвало тревогу у кардинала Мазарини, как бы окончание войны с Соединёнными провинциями не стало началом войны Англии с Францией. Вот почему Мазарини решил привести в боевую готовность порты Нормандии, удобные для высадки английских войск.

Но Кромвель, лавируя между Францией и Испанией, заключил ряд мирных договоров и тем укрепил положение нового государства. 11 апреля 1654 г. был подписан договор с Швецией, ратифицированный королевой Христиной накануне её отречения от престола. В июле того же года был заключён договор с Португалией, ратифицированный лишь через два года; в сентябре — договор с Данией. Тогда же подготавливался секретно, в тишине дипломатических канцелярий, торговый договор с Францией. Об этих политических успехах Кромвель рассказал в парламентской речи 4 сентября 1654 г., подчеркнув трудности, с которыми ему приходилось бороться.

«Войны истощали вашу казну и ставили вас в такое положение, что вы захлебнулись бы в расходах, если бы они продолжались ещё несколько месяцев. Заключён почётный мир с Швецией, хотя несколько лет тому назад она была другом Франции, а недавно была склонна к дружбе с Испанией. Заключён мир с Данией, тяготевшей к той части острова, которая причинила Англии много тревог (Шотландия). Заключён мир с голландцами. «Между тем я уверен, — говорил Кромвель, — ничто так не радовало наших врагов, как наша вражда с этой республикой; также я убеждён, нет ничего более страшного и тревожного для них, как видеть нас примирёнными». Заключён мир с Португальской короной, выгодный для английской торговли и обеспечивающий английскому народу в Португалии свободу совести.

«Мы накануне договора с Францией... Я смело говорю, все народы Европы преисполнены желанием поддерживать хорошие отношения с вами». В конце этой речи звучала предостерегающая нота. Не со всеми иностранными государствами заключены мирные договоры. «Если они увидят, что мы не ведём свои дела с подобающей нам мудростью, то мы можем потерять всё, чего достигли. У наших врагов глаза открыты; они воодушевятся, если увидят раздоры среди нас; это будет к их большой выгоде»⁷.

Переговоры с французским послом Бордо о договоре с Францией продолжались, но решение вопроса всё откладывалось, подобно тому, как это делалось уже два года. Правда, и Мазарини в письмах к Бордо

⁷ Carlyle «Cromwell's letters and speeches», VIII, 31—35.

советует ему быть осторожным, следить за тем, насколько прочно положение самого протектора. «Всё, что мы сделаем для протектора, возбуждает его противников против нас и заставит их протянуть руку испанцам, которые не преминут извлечь выгоду из этого обстоятельства». Отношение к Кромвелю должно определяться ещё одним моментом⁸. Кромвель желает, чтобы его признавали защитником всех гугенотов и протестантов. Он организовал тайные поездки протестантских священников в разные части французского королевства, послал для осуществления намеренной цели людей в Швецию и Германию. Наконец, надо взвесить также предложение Кромвеля передать на арбитраж спорные вопросы городу Гамбургу, который находится под большим влиянием Англии, чем Франции. Однако один довод за немедленное заключение договора с Англией и прекращение состояния войны между Францией и Англией перевешивает для Мазарини все остальные. «Предложить тесный союз протектору для войны против Испании, узнать, на каких условиях он хочет его заключить»⁹, — инструктирует Мазарини Бордо.

Мазарини идёт на отказ от использования Стюартов как орудия в борьбе с Английской республикой: Бордо был уполномочен заявить, что король Великобритании уже несколько месяцев находится вне французского королевства и не намерен вернуться; королева, его мать, не имея средств к существованию в другом месте, кроме своей родины, находясь при дворе Франции, будет вести себя так, что ни она, ни её офицеры и слуги не дадут никакого повода к жалобам со стороны Английской республики; герцог Йоркский, получив назначение в армию, будет служить в итальянской армии и иметь пребывание вне Франции; милорд Инчичвин с отрядами, состоящими под его командой, также послан за пределы королевства¹⁰.

Мазарини рекомендует Бордо ознакомить членов парламента с содержанием переговоров, так как они в большинстве за мир с Францией. Наконец, Бордо был уполномочен заявить, что французский король не будет возражать, если Кромвель станет сам королём или получит титул императора¹¹. Мазарини знал, что Испания тоже добивается союза с Англией, что она предлагает Кромвелю субсидию в 120 тыс. экю в год за отказ от мира с Францией. Как бы в противовес идее договора с Испанией французская дипломатия выдвигала перед Кромвелем мысль не терять благоприятного момента и сделать приобретения в Вест-Индии¹².

Не умаляя дальновидности этого плана, можно предположить, что он выдвигался французской дипломатией также с целью приослабить со стороны Англии захват французской колонии в Америке—Канады, — так как именно в это время (12 ноября 1654 г.) венецианский посол в Лондоне, Паулюччи, сообщает в Париж Сагрето, что некоторые английские фрегаты высадили отряды в Канаде и изгнали французов, став господами самых важных портов и большой добычи. «Они продолжают овладевать страной и намерены присоединить её к английским колониям»¹³.

Так или переговоры между Бордо и Кромвелем в течение сентября—декабря 1654 г., принимая то более напряжённый, то замедленный темп, то подавая, то ослабляя надежды на благоприятный исход.

★

Кончался 1654 год. Договор между Францией и Англией ещё не был заключён, между тем Англия отправила для выполнения неизвестных

⁸ Mazarin «Lettres», VI, 333—335.

⁹ Ibidem, 359.

¹⁰ Ibidem, 335—369.

¹¹ Ibidem, 384—385.

¹² Ibidem, 407—408; Venetian Calendar, XXIX, 270; донесение 20 октября 1654 года.

¹³ Venetian Calendar, XXIX, 274.

задач две крупные морские эскадры: в октябре 1654 г., под командой Блека, в Средиземное море; 25 декабря того же года, под командой В. Пенна, на запад, в Вест-Индию. Обе эскадры готовились постепенно с момента заключения мира с Соединёнными провинциями, но их назначение держалось в глубоком секрете. Уже 1 мая 1654 г. венецианский секретарь в Лондоне Паулюччи сообщал, что здесь формируется эскадра из более чем 20 военных кораблей, предназначенная для Средиземного моря для помощи христианскому миру и, следовательно, на пользу Венеции. Командование поручается генералу Блеку, который с радостью принимает это назначение¹⁴.

Эскадра Блека отплыла из Портсмута 29 сентября и направилась к Гибралтару, пользуясь попутным ветром. Эскадра эта, в составе 30 военных кораблей, представляла внушительную боевую силу. Блек требовал, чтобы каждый встречный корабль отдавал салют его эскадре¹⁵. В ноябре эскадра Блека вошла в порт Кадикс и была дружелюбно принята губернатором Андалузии и генералом Океана, герцогом Медина Сели. В конце ноября в Лондоне ожидали известий о прибытии Блека в Средиземное море и готовили подкрепления для его эскадры. Приближение эскадры к Средиземному морю вызвало тревогу в правительственных кругах Франции и итальянских государств.

6 ноября 1654 г. Мазарини пишет Бордо, что акт враждебности Блека по отношению к французским кораблям будет означать, что протектор хочет иметь с Францией открытую войну, хотя известно стремление Франции к соглашению с Англией. Если от соглашения отказываются, невзирая на все уступки, то Бордо не следует более оставаться в Лондоне. «Поведение протектора никого не может более обмануть относительно его чувств к нам»¹⁶. Действительно, отношения с Францией настолько в это время обострились, что не доставало только объявления войны¹⁷.

Приближение эскадры Блека к берегам Италии вызвало там также большую тревогу. Местные власти зорко наблюдали за поведением и разговорами английских купцов, проживавших в Тоскане. Венецианский резидент во Флоренции стремился узнать, не намереваются ли английские купцы в Ливорно отослать свои капиталы. Оказалось, что их собственность, представленная складами товаров на сумму полтора млн. ф. стерлингов, скорее выросла, чем уменьшилась в последние месяцы. Это был успокоительный симптом¹⁸. 28 июля 1654 г. эскадра Блека была в порту Неаполя и получила весьма лестную оценку качества судов и их командиров во главе с Блеком со стороны неаполитанского вице-короля¹⁹.

Вторая эскадра, под командой Пенна, стала формироваться с сентября 1654 г., тогда как назначение Пенна вместе с Блеком, Монком и Десборо в одну комиссию генералов Моря последовало ещё 3 декабря 1653 года²⁰.

Цель формирования новой эскадры сохранялась в глубокой тайне. Наблюдая за её формированием, 20 сентября 1654 г. Паулюччи сообщает, что 50 кораблей имеют двойной состав экипажа, как это требуется при путешествии в Вест-Индию. Несколько позднее завеса стала приподниматься. «Этот флот захватит Кубу или Испаньолу (Гаити), для чего посажен двойной комплект людей, как мера против убыли, которая неизбежна вследствие вредного климата. Корабли высажат в Барбадосе и других английских колониях и землях своих людей и возъ-

¹⁴ Venetian Calendar, XXIX, 206.

¹⁵ Ibidem, 270.

¹⁶ Mazarin «Lettres», VI, 379.

¹⁷ Venetian Calendar, XXIX, 292.

¹⁸ Ibidem, 291.

¹⁹ Ibidem, 293.

²⁰ Journals of the House of Commons, VII, 361.

мут других, уже привыкших к жаркому климату»²¹. Слухи о подготовке военной экспедиции в Вест-Индию дошли до испанского правительства, и в Лондоне ожидали прибытия чрезвычайного испанского посла. Он появился только в мае 1655 года²².

Венецианский дипломат, тщательно собиравший все сведения об эскадре Пенна, так и не мог точно установить момент её отплытия на Запад. Одна её часть покинула береговые воды Англии 20 декабря, другая — 25 декабря 1654 года. Как раз в это время испанская дипломатия стремилась сохранить добрые отношения с Англией и в силу внутренних осложнений в Нидерландах и в силу серьёзных замыслов французов во Фландрии и Неаполе²³.

Политика лавирования между Францией и Испанией со стороны Кромвеля продолжалась. Посылка эскадры Пенна в Вест-Индию, в сущности, означала не мирное улаживание отношений между Англией и Испанией, а развязывание военного конфликта. Но до окончательного разрыва, до официального объявления войны, должно было пройти ещё десять месяцев.

Чем же они были ознаменованы в отношениях между протектором Англии, правительством Филиппа IV и правительством Людовика XIV?

Карденя немедленно дал знать о выходе в море эскадры Пенна, послав специальный фрегат в Сан Себастьяно, с депешами на имя короля. Испанский канцлер дон Луи Гарсия показывал эти депеши венецианскому послу в Мадриде Джакомо Квирини. Они вызвали серьёзное беспокойство в испанском правительстве²⁴.

Кромвель прислал письмо испанскому королю. В нём он сообщал, что английские купцы настаивают перед ним на возвращении тех денег, которые они дали в долг испанцам. Он, как протектор королевств, желает, чтобы это дело было улажено.

Государственный совет Испании решил перевести в Англию 100 тыс. реалов для удовлетворения претензий, чтобы избежать захвата англичанами испанских кораблей. Англо-испанские отношения уже в марте 1655 г. настолько стали натянутыми, что обе стороны приняли некоторые предупредительные меры: английские купцы, проживавшие в Испании, начинали осторожно стягивать к себе в конторы денежные переводы и ограничивать торговлю пределами портовых городов; испанское правительство направило в Сан Доминго и в Гаити корабль с уведомлением о надвигающейся опасности²⁵. Вскоре обнаружилось, что над Испанией нависла опасность с другой стороны — от эскадры Блека. Установив английское господство в западной части Средиземноморья и покарвав североафриканских пиратов, она неожиданно 10 июля показала в Гибралтаре. Губернатор Кадикса и генерал Океана Серда Антонио предложил Блеку порт Кадикс для ремонта кораблей, потерпевших аварию на море. Так как эскадра Блека продолжала оставаться вблизи берегов Испании, около Ла Рота и Санта Катерина, то возникло подозрение, что Блек имеет агрессивные намерения в отношении четырёх галионов испанского флота, ожидавшихся в июне из Вест-Индии с грузом золота и серебра. Эти предположения подтверждались поведением английских купцов, которые ночью, взяв с собой деньги, покинули Малагу, Кадикс, Севилью и Сан Люкар и на барках переправились к своему флоту. То же самое произошло в Бискайе, Сан Себастьяно и Бильбао. Когда турецкие пираты, соединившиеся с эскадрой Блека, захватили галион «Almirante di Cartagena», на котором перевозилось 40 тыс. реалов, король послал приказ генералу Монте Алегро бороться до конца, и когда

²¹ Venetian Calendar, XXIX, 270.

²² Ibidem, XXX, 56.

²³ Ibidem, XXIX, 290.

²⁴ Ibidem, XXX, 24.

²⁵ Ibidem, XXX, 34.

дело дойдёт до гибели, бросить в море всё золото и серебро. Кадикс преобразился — все его граждане стали участвовать в военной охране города. Купцы Кадикса и Севильи предложили на свой счёт снарядить 25 военных кораблей и 4 тыс. пехоты²⁶.

Эскадра Блека сумела выйти из-под наблюдения, организованного за ней испанским флотом. Блек стал получать поддержку от Португалии, с тех пор как между ним и португальским правительством, после некоторых колебаний, установилось взаимное доверие. Блек становился господином в водах Атлантического океана, омывающих берега Пиренейского полуострова. Он подкарауливал приход испанских галионов с золотом и серебром из Америки.

В ответ на это вызывающее поведение Блека испанский адмирал Контрерас получил приказ выйти с флотом в море. Испанский флот вышел из Кадикса в составе 32 галионов в сопровождении 25 барок с сотней солдат на каждой; корабли имели месячный запас продовольствия. Эскадра Блека состояла из 28 военных кораблей, из которых 18 были более сильными, чем испанские корабли²⁷. В начале сентября оба флота находились вблизи друг от друга между мысами св. Винченца и св. Марии, но не начинали боя. Позднее время года и морские штормы заставили обе флотилии покинуть свои стоянки.

Блек снова подошёл ближе к берегам Испании, но и на этот раз испанский адмирал держался твёрдо решения не вступать в бой до случая явной провокации и необходимой защиты. По верному замечанию венецианского посла в Мадриде — Джакомо Квирини, — в этом положении испанцы теряли свой престиж, ибо недостойно монархии держать свой флот бездейственным в виду родных берегов в тесном соседстве с врагом, на виду у всего мира²⁸.

Разрыв отношений между Англией и Испанией стал неизбежен. В конце 1655 г. пришли известия о враждебных действиях английского флота в Вест-Индии. После неудачной попытки захватить Гаити, Пенн направился к Ямайке и захватил её. Сообщая об этом событии, венецианский дипломат не преминул отметить природные богатства острова, его плодородие, обилие лошадей и диких быков, серебряные и оловянные рудники²⁹.

Капун разрыва отношений между Англией и Испанией был ознаменован усиленной работой в Лондоне двух дипломатий — испанской и французской. Испания направила в Лондон чрезвычайного посла, маркиза Лейдем, губернатора Дюнкерка. Одновременно с ним прибыл маркиз Сан Стефано, дипломат прища Конде, союзник Испании со времени французской фронды, и граф Тот, посланник шведской королевы Христины. Одновременное прибытие этих трёх дипломатов в Лондон наводило современников на мысль, что у них одна цель — противодействовать Франции³⁰.

Действительно, в это время (летом 1655 г.) шла подготовка договора между Францией и Англией. Франция через договор с Англией развязывала себе руки для нападения на европейские владения Испании; Англия — на вестиндские, откуда Испания черпала жизненные силы для своей обширной монархии.

Для французского посла Бордо, который вёл переговоры с Кромвелем, вестиндская экспедиция Пенна, договор между Францией и Англией и совместная война Англии и Франции против Испании были логическими звеньями одной цепи событий, как это и оказалось на самом деле. Усилия испанской дипломатии убедить Кромвеля в искреннем рас-

положении к нему испанского короля и в его склонности к доброму миру с Англией, а также в одинаковой заинтересованности испанцев и англичан, как и всего христианского мира, в свободном плавании испанских галионов оказались безуспешными³¹.

В Испании были конфискованы товары английских купцов, а испанский посол Карденья и его свита получили паспорта для выезда из Англии, но без права взять с собой багаж, что являлось возмездием за конфискацию английских товаров в Испании. Так началась англо-испанская война, имевшая большие последствия не только для революционной Англии, но и для всего западноевропейского мира, война между силами реакции и прогресса.

★

С самого начала совместной войны Англии и Франции против Испании обозначились два театра военных действий — морской и сухопутный. Английский флот под командой Блека приступил к блокаде берегов Испании, в особенности главного порта её — Кадикса.

Другая часть флота должна была поддержать сухопутные операции во Фландрии и охранять морские связи этого театра военных действий с Англией. Во Фландрии должны были сосредоточиться французские и английские войска, чтобы отбить у испанцев главные опорные пункты. Дюнкерк и Останде служили убежищем для пиратов, грабивших английские торговые суда и нападавших на берега Англии. Уже в начале войны петиция мэра, ольдерменов, общинного совета, купцов, судозозяев и моряков King's Linn (Норфок) говорила о нападениях на восточный берег Англии пиратов, которые «подстерегают, грабят и захватывают нас в нашей собственной бухте»³².

Таким образом, операции против торговых портов Фландрии должны были иметь двоякую цель: не только их отвоевание у Испании, но и освобождение моря от пиратов, вредивших английской торговле. Не менее важное значение для победы над Испанией имела морская блокада её берегов кораблями эскадры, под командой Блека. Цель блокады состояла в том, чтобы прекратить доступ в Испанию для галионов, приходивших ежегодно из Вест-Индии с грузом золота и серебра, «биться с ними и захватить эти галионы или сжечь и потопить их»³³.

Захват вестиндского золота и серебра наносил громадный экономический вред Испании, лишал «живительной крови всё тело испанской монархии» и вместе с тем восполнял недостаток золота и серебра, так остро ощущаемый в Англии в эти годы усиленной деятельности судостроительных верфей³⁴.

Осенью 1656 г. английский флот не подпустил к Кадиксу вестиндские галионы, они были или потоплены или попали в плен к англичанам, кроме одного, привезшего золото главным образом для короля³⁵. Весной 1657 г. разыгрался события, завершившиеся полным уничтожением вестиндского флота, в количестве 16 галионов, у о. Тенерифа адмиралом Блеком. Современник говорит, что такой победы над испанцами англичане не одерживали с 1588 года. Были также уничтожены и пять кораблей, предназначенных для отправки в Вест-Индию. Удар был так силен, что должно было пройти несколько лет прежде, чем испанцы могли выстроить другой такой же флот³⁶. Однако испанцы успели снять с потопленных галионов грузы, а большое количество денег и драгоценных металлов было перевезено голландцами в Кадикс на мелких судах³⁷.

³¹ Venetian Calendar, XXX, 73.

³² Calendar of State papers, 1656, 211.

³³ Carlyle «Cromwell's letters and speeches», IX, 107.

³⁴ Venetian Calendar, XXX, 113.

³⁵ Ibidem, 265.

³⁶ Ibidem, XXXI, 64—65.

³⁷ Ibidem, 81.

²⁶ Venetian Calendar, XXX, 74.

²⁷ Ibidem, 108.

²⁸ Ibidem, 111.

²⁹ Ibidem, 97.

³⁰ Ibidem, 56.

Одержанная английским флотом победа была омрачена смертью Блека на обратном пути, вблизи берегов родины. Имя этого флотоводца, проявившего большие способности, отвагу и непоколебимую преданность новому строю, овеяно славой революционной эпохи. Битва при о. Тенерифе была самым крупным эпизодом в истории морской войны, связанной с блокадой Испании английским флотом. Правда, и позднее сильная английская эскадра сторожила берега Испании, подкарауливая вестиндские галионы и препятствуя выходу испанского флота из Кадикса³⁸. В то же время проход английского флота через Гибралтар в Средиземное море обеспечивал спокойное плавание английских кораблей, предупреждая опасность пиратских набегов со стороны Северной Африки.

Блокада Испании сделала возможной переброску из Англии военных сил и необходимого снабжения во Фландрию, где развернулись главные военные действия. «Я могу теперь информировать Вашу светлость о планах войны, — писал в марте 1656 г. венецианский посол из Парижа дожу и сенату Венеции. — На границах они, несомненно, сосредоточат самые большие силы королевства, воодушевленные присутствием короля. Кромвель будет помогать кораблям и войском. Главный удар будет по городам на берегах океана. Французские войска будут действовать совместно с английским флотом. Другая армия направится на захват Валансьена. Французы намерены сосредоточить значительную армию во Фландрии»³⁹.

В конце мая 1656 г. французский король и его двор, выслушав мессу в соборе Парижской богородицы, отправились в Компьен. При дворе находился английский посланник, хорошо там принятый. Так начался поход против испанских Нидерландов, или фландрских городов.

Но французская армия, осадившая Валансьен, была разбита испанцами под командой дон Хуана, Конде и маркиза Коранены 16 июля 1656 года. Эта неудача задержала выполнение намеченных союзниками планов войны против Испании и окрылила надежды сторонников мира во Франции и Испании⁴⁰.

Со стороны Англии фландрский театр военных действий потребовал сооружения новых кораблей, формирования экспедиционной армии, больших поставок продовольствия и военного снаряжения. Подготовка шла медленно. Только в мае 1657 г. был сформирован отряд из 6 тыс. человек для переброски во Фландрию, под командой Локарта, являвшегося одновременно и командиром и дипломатическим представителем Кромвеля во Франции и сыгравшего большую роль во взаимоотношениях Англии с Францией.

Особенность фландрского театра военных действий состояла в том, что союзники здесь столько же уделяли внимания испанцам, сколько и наблюдали друг за другом. Английская армия, по отзывам иностранцев, представляла соединение превосходных отрядов; каждый солдат был одет в форму и выделялся своей красной курткой⁴¹. Но шли эти солдаты на войну за фландрские берега неохотно; частые случаи дезертирства доходили до 40 человек в некоторых ротах; на них не действовали ни речи проводников, ни обещания большей оплаты после высадки на другом берегу. При посадке подкреплений приходилось прибегать к силе, а некоторых, более упорных, «поспирать» хлыстом⁴².

Война предстояла трудная, связанная с большими лишениями. Она началась летом 1656 г. с морской блокады Дюнкерка и Остенде, что приостановило нападения пиратов на купеческие суда, снабжавшие Лон-

³⁸ Venetian Calendar, XXXI, 260.

³⁹ Ibidem, XXX, 193.

⁴⁰ Thurloe «Papers», V, 198.

⁴¹ Venetian Calendar, XXXI, 58.

⁴² Ibidem, 54, 114.

дон. Но сухопутные операции союзников стали развёртываться во Фландрии только через год.

26 сентября 1657 г. венецианский посол во Франции сообщал своему правительству: «Тюрэнн с своими отрядами и англичане заняли некоторые позиции вдоль берега моря; испанцы оставили открытую местность и заперлись в крепостях»⁴³.

В октябре началась осада союзниками Мардика; с моря его обстреливала английская эскадра под командой Монтегю. Испанские войска сопротивлялись слабо, и Мардик был им сдан. Он перешёл под управление англичан, был укреплен и стал их главной военной базой во Фландрии. Испанцы сделали попытку неожиданного нападения из Дюнкерка с целью отбить Мардик. В этой операции принимали участие на стороне испанцев и будущий английский король Карл II с братьями и их военные отряды. Не только эта, но и вторая попытка не увенчались успехом.

Именно в это время, чтобы придать начавшимся завоеваниям характер большого принципиального дела, кромвелевская дипломатия успешно стремилась сплотить протестантские государства для борьбы с католической опасностью и скрепить в Европе союз против австрийских Габсбургов. Как обычно, на зимний сезон военные действия во Фландрии были прерваны до весны 1658 года. Начало весенней кампании было ознаменовано двумя неудачами французов.

В конце февраля испанцы овладели Кале, пользуясь поддержкой лиц, поднявших мятеж против французского короля. В мае в Остенде была устроена испанцами ловушка для союзников, поверивших, что командование Остенде решило открыть им ворота крепости. Когда маршал Омон высадил своих людей и с триумфом вступил в город, он был окружен и захвачен в плен⁴⁴.

Главные военные действия в этом году сосредоточились около Дюнкерка, важнейшей приморской крепости, обещанной, по договору, англичанам. Он расположен среди дюн, которые тянутся от Кале до Эклюза. Морские волны бьют у подножия дюн во время прилива, при отливе оставляют песчаную отмель, называемую Эстрен. Окрестности города безлесны; в них нет укрытий⁴⁵. Это создавало трудности для осаждающих Дюнкерк союзников. Их армия должна была всё привезти с собой — не только припасы и орудия, но и колья, доски и фашинник. Линия осады начиналась у восточного берега Эстрена, проходила по дюнам, пересекала каналы, которые вели к Мардику, Бурбургу, Бергу и Фюрну, окружала город и кончалась у западного берега Эстрена, образуя род полумесяца, обращенного вогнутой частью к морю. С моря осаду поддерживал английский флот. Для того чтобы запереть Эстрен, через который возможно было общение с внешним миром в течение шести часов каждый день и каждую ночь, Тюрэнн приказал сделать эстакаду на каждом конце осадной линии, вплоть до того места, куда отходит море в самые низкие отливы. Она представляла собою искусственные заграждения для прохода. Вооруженные пушками барки защищали края эстакады⁴⁶.

Инициативу битвы за Дюнкерк взял в свои руки Тюрэнн, который оставил часть войска поддерживать осаду Дюнкерка, а другую повёл против испанцев, спешно подошедших к Дюнкерку без артиллерии, обоза и землекопных орудий. Они стояли на высокой дюне, имея в тылу полки английского короля, валонцев и немецкие батальоны (помощь австрийских Габсбургов).

Испанцы потерпели полное поражение, потеряв ранеными и пленными свыше 4 тыс. человек, т. е. около четверти всей армии; среди них

⁴³ Venetian Calendar XXXI, 111.

⁴⁴ Ibidem, 199.

⁴⁵ Mémoires de Turenne, II, 83.

⁴⁶ Ibidem, 85.

много знатных испанцев. Взятие одного из фортов Дюнкерка побудило защитников сдаться, согласившись на условия капитуляции, подписанной Людовиком XIV, а также Локкартом от имени Кромвеля. Переход Дюнкерка к Англии означал, что она получила твёрдую точку опоры во Фландрии, открывавшую путь к дальнейшим завоеваниям. Имея порты и форты на обоих берегах пролива, Англия могла контролировать мореплавание своих соседей-голландцев и сделать вполне безопасной свою торговлю.

Дальнейшие военные операции союзников проходили также успешно. Осенью 1658 г. были взяты Гравелин, Ипр и другие города. Собравшаяся в ноябрь конференции союзников обсуждала планы будущей кампании: предполагалось отправить в Средиземное море сильную англо-французскую эскадру для большой операции против испанских владений в Италии⁴⁷.

С другой стороны, уже давно велись переговоры и строились предположения об условиях мира с Испанией. Приближалось окончание войны. Испания потерпела поражение и на третьем театре военных действий — в Вест-Индии. Направленная туда английская эскадра под начальством В. Пенна и Г. Венеблса сначала потерпела полную неудачу при попытке захватить Испаньюлу. Венецианский посол в Испании Джакомо Квирини, излагая доклад губернатора Испаньюлы об этом событии, сообщает, что англичане, встреченные отрядом из 500 испанцев и туземцев, были разбиты, потеряв пленными и ранеными до 2 тысяч человек, причём особенно отличились туземцы, которые свирепо рубили врага грубыми мечами в виде полумесяца⁴⁸.

После этой неудачи английская эскадра направилась к Ямайке, где был взят город Сен Яго делла Вогга и где англичане стали господами всего острова, но испытывали на первых порах большие продовольственные затруднения и сильно страдали от непривычного климата.

Ямайка, занимавшая очень выгодное положение в Новом Свете, стала, с одной стороны, исходным пунктом для дальнейших английских нападений на вестиндские острова, с другой, — объектом испанской реконкисты. Чтобы пополнить убыль английских отрядов от голода и болезни, приходилось периодически посылать на Ямайку помощь из метрополии и из других английских колоний. «Их энергия в Индии не показывает признаков истощения, — пишет в июле 1656 г. из Лондона венецианский посол Джаварина. — Туда шлют продовольствие, подкрепления, амуницию, корабли»⁴⁹.

Владея Ямайкой, английское правительство могло организовать наблюдение за подготовкой к отправке в Испанию вестиндских галионов с золотом и серебром. Борьба между Англией и Испанией за Вест-Индию оказывала влияние на туземное население Америки, стремившееся освободиться от испанского ига. В связи с этим обращает на себя внимание факт появления в Лондоне в конце 1657 г. брата индийского короля Флориды. Купеческий корабль, на котором ехал этот посол, был разбит бурей, и весь его груз погиб; погибли и верительные грамоты посла и его инструкции, но сам он с некоторыми лицами свиты спасся.

Цель посольства была в том, чтобы показать Кромвелю лёгкий способ нападения на испанцев, обещать помощь и содействие короля Флориды, который являлся смертельным врагом испанской монархии⁵⁰. Этот факт тем более интересен, что Флорида была ещё в XVI в. ареной упорной борьбы между индейцами и испанцами, между испанцами и французами.

⁴⁷ Venetian Calendar, XXXI, 259, 268.

⁴⁸ Ibidem, XXX, 108.

⁴⁹ Ibidem, 239.

⁵⁰ Ibidem, XXXI, 146.

Обращаясь к дипломатическим отношениям Англии и Франции в эпоху их совместной войны с Испанией, надо сказать, что их союз определялся договорами, составлявшимися сроком на один год. Некоторые статьи договоров представляли государственную тайну, в которую стремились проникнуть дипломаты других стран.

Первый договор был заключён 3 ноября 1655 года. Английская дипломатия долго лавировала между предложениями дружественного характера, исходившими с одной стороны, от Испании и принца Конде, её союзника в войне с Францией; с другой стороны, — от королевского правительства Франции во главе с Мазарини, который, по выражению Тюренна, «приобретал искусством и переговорами то, что его предшественник начал приобретать силой и войной»⁵¹. 20 ноября этот договор был торжественно прокламирован в Лондоне. Его статьи⁵² носили обычный характер, присущий торговым договорам. В них шла речь о свободной торговле между обоими нациями, о прекращении всяких проявлений враждебности, о гарантиях в распоряжении собственностью в Англии для французов, во Франции — для англичан. Но существовали ещё секретные статьи, тщательно охраняемые от постороннего взгляда, подписанные только Кромвелем и французским послом в Лондоне — Бордо. Они касались разных явлений политической жизни — удаления из Франции фамилии Стюартов, денежной помощи Англии для формирования военных отрядов, незаключения мира со стороны Франции с Испанией без участия Англии. Эти статьи подвергались длительному обсуждению, и ещё 14 марта 1656 г. граф Бриенн говорил венецианскому послу во Франции, что союз с Кромвелем им всё ещё не заключён⁵³. Для улаживания взаимных отношений между Францией и Англией был назначен, сначала в качестве резидента, а впоследствии — посла, полковник В. Локкарт, племянник Кромвеля, сыгравший, как было отмечено, большую роль и в военных операциях и на дипломатическом поприще⁵⁴. Инструкция, данная ему О. Кромвелем при его отъезде во Францию, выдвигала как главную задачу Локкарта установление более тесных связей с Францией.

На первых же порах Локкарту пришлось столкнуться с «многогранностью» французской дипломатии, которая, подавая надежды на тесное сближение с Англией, в то же время зондировала почву через своего наиболее опытного дипломата, Лиона, о возможности примирения с Испанией⁵⁵. Поражение французской армии под Валансьеном 16 июля 1656 г. породило большие сомнения в том, следует ли воспользоваться английской помощью и не следует ли заключить мир с Испанией, которого «почти все люди во Франции очень сильно желают»⁵⁶, как пишет один современник в конце августа 1656 г. из Парижа в Англию.

Католическое духовенство Франции было, во главе этого миролюбивого течения. Однако испанские требования, особенно в защиту прав принца Конде, союзника Испании, оказались чрезмерными, и Мазарини в беседе с Локкартом заявил, что он предвидел эту испанскую заносчивость и что все честные французы теперь признают справедливым продолжение войны. «Если мира не заключено, то причиной этого является только несправедливость испанцев»⁵⁷, — писал тогда же Мазарини к Бордо. Но партия сторонников мира с Испанией продолжала действовать во Франции. Её поддерживал папа римский. Инструктированная им

⁵¹ Memoires de Turenne, II, 51.

⁵² Calendar of State papers, 1655—1656, 28.

⁵³ Venetian Calendar, XXX, 189.

⁵⁴ Calendar of State papers, 1655—1656, 204.

⁵⁵ Thurloe «Papers», V, 202.

⁵⁶ Ibidem, 314.

⁵⁷ Mazarin «Lettres», VII, 320.

бывшая шведская королева Христина направилась в Париж, чтобы содействовать заключению общего мира в Европе.

Папа выбрал удобный момент для миролюбивой миссии королевы Христины, так как в это время французы потерпели новую военную неудачу при Конде. Одновременно французская дипломатия была обеспокоена действиями дружественных Испании австрийских Габсбургов: Император нарушил Мюнстерский договор: он послал армию против герцога Моденского и таким образом ухудшил положение Франции в Италии.

Мазарини опасался также образования на Востоке коалиции Польши, России, Австрии и папы⁵⁸. Он собирался направить в Германию Лиона, чтобы побудить князей и вольные города воздействовать на императора, нарушающего Мюнстерский договор, и войти в соглашение с протестантскими князьями⁵⁹, а в письме к Бордо Мазарини просил уточнить, на каких условиях государственный секретарь Англии Зсорло проектирует организацию большой коалиции из Англии, Франции, Швеции, Дании и Соединённых провинций против Австрийского дома, имеет ли в виду её инциатор оборонительные или наступательные задачи⁶⁰.

Таким образом, Франция и Англия сближались в конце 1656 г., казалось, на почве их общей антигабсбургской политики в восточной половине Западной Европы. И всё же во Франции продолжала свою работу партия мира с Испанией, поддерживаемая папой и духовенством. Локкарт писал в Англию 8 ноября 1656 г., что во Франции все, кто мнят себя добрыми католиками, страстно хотят мира между Францией и Испанией, на каких угодно условиях⁶¹. Духовенство агитирует своих слушателей за необходимость мира при всех удобных случаях.

Собрание французского духовенства, действуя в согласии с папской политикой, готовило демонстрацию против гугенотов, особенно гугенотов Монтана. Подготавливалось открытое выступление сторонников мира с Испанией, против политики Мазарини.

Но Мазарини справился с оппозиционным его политике течением, и после пережитых колебаний 23 марта 1657 г. был заключён на один год новый договор между Англией и Францией. Вот его краткое содержание, переданное в донесении Джаварини дожу и сенату Венеции. Прежние договоры между Генрихом IV и королевой Елизаветой, между Людовиком XIII и королём Яковом I будут возобновлены. Четыре миллиона лир, ссуженных королевой Елизаветой Генриху IV, будут уплачены в процентах, по полтора миллиона лир в год, до полного погашения долга. В счёт этих денег Англия поставит 12 военных кораблей в Средиземное море, чтобы они соединились с французским флотом для действия против Испании под начальством французского командира; 6 кораблей Англия оставит перед Дюнкерком для его блокады. Англия даёт 40 кораблей для захвата Дюнкерка и Гравелина, король Франции поможет республике взять Ньюпорт и Остенде. Франция и Англия будут стаять в оборонительном и наступательном союзе против всех. Франция обязывалась к тому, чтобы король Англии, герцоги Йоркский и Глостерский и английские лорды, обвинённые в государственной измене, оставили Францию без права возвращения, пока будет действовать договор. Вдовствующая королева как дочь короля Франции останется на родине. В свою очередь, английская республика обязывалась не принимать и не укрывать врагов Франции. Наконец, во всех городах и округах Франции англичане могли строить церкви на тех же правах, что и французы-гугеноты⁶².

⁵⁸ Thurloe «Papers», V, 451.

⁵⁹ Ibidem, 547.

⁶⁰ Mazarin «Lettres», VII, 436.

⁶¹ Thurloe «Papers», V, 533.

⁶² Venetian Calendar, XXXI, 51.

Едва прошло три месяца со дня подписания договора, как в Англии, невзирая на протесты французского посла Бордо перед Кромвелем, был опубликован суровый акт против католиков, в силу которого две трети их владений, при отказе подписать антикатолическую присягу, подлежали конфискации в пользу государства⁶³. Возникали опасения, что подобные меры будут предприняты англичанами и в городах Фландрии, которые окажутся под их управлением. Вот почему осенью этого года, во время выборов нового императора, Мазарини писал полномочным представителям Франции на съезде курфюрстов — Грамону и Лиону, — что они должны разъяснить, как Франция добивалась мира с Испанией, ведя переговоры в Мадриде через Лиона, и как Испания, наоборот, своими преувеличенными претензиями сорвала эти переговоры. Если бы этого срыва не было, то Европа наслаждалась бы миром и Франция не пошла бы ни на какой договор с протектором Англии⁶⁴.

Эти замечания Мазарини показывают, что в его глазах договор с Англией имел лишь одно оправдание — необходимость борьбы с Испанией. Венецианский посол Джаварини дал договору краткую, но верную оценку: он благоприятен для англичан и соответственно невыгоден для французов (Англия помогла Франции за счёт французских взносов)⁶⁵.

Почти одновременно с заключением договора было распущено собрание католического духовенства, и прелаты вернулись в свои диоцезы, чтобы начать сбор 2700 тыс. ливров, пожалованных королю. Деньги должны были идти на войну с Испанией. Эта субсидия едва ли находила себе оправдание в глазах духовенства. Во всяком случае, оно не прекратило борьбы, и в октябре 1657 г. была представлена королю ремонстрация Сорбонны и французского духовенства по поводу его помощи еретикам в католических странах, результатом чего должно явиться разрушение католицизма⁶⁶.

Англичане, в свою очередь, подзревали французов в умышленном затягивании войны, чтобы не дать им возможности укрепиться на берегу Фландрии. Натянутость англо-французских отношений была подмечена Джавариной на основе некоторых внешних фактов. Он обратил внимание на неожиданное прибытие в начале октября 1657 г. Локкарта в Лондон прямо из Меца, где находился двор французского короля; курьеры ежедневно прибывали оттуда в Лондон и отправлялись из Лондона в Мец⁶⁷.

Желая найти объяснение уступчивости французов, согласившихся передать морской порт во Франции в руки англичан, венецианский посол в Париже Франческо Джустиниан говорит, что этот шаг был вынужденным, так как в случае отказа Кромвель грозил пойти на соглашение с испанцами, обещавшими уступить ему Кале⁶⁸.

Таким образом, как раз в то время, когда союзники вели совместные боевые действия во Фландрии, когда там были достигнуты первые серьёзные успехи при участии английского флота и пехоты, между ними обнаружилось дипломатическое трение. «Я Вас прошу, — писал 13 декабря 1657 г. Мазарини в Лондон к Бордо, — усилить ваши представления протектору в пользу католиков и сказать ему доверительно от меня, что... дурное обращение с католиками в Англии в то время, когда Англия и Франция в союзе, даёт повод многим говорить против меня»⁶⁹. Однако самый ход военных событий требовал возобновления союза на 1658 год.

Переговоры протекали очень секретно. «Кардинал теперь никому не доверяет и делает всё один с Локкартом и так дело продолжается

⁶³ Firth «Acts and ordinances of the interregnum», II, 1170—1180.

⁶⁴ Mazarin «Lettres», VIII, 155.

⁶⁵ Venetian Calendar, XXXI, 51.

⁶⁶ Ibidem, 124.

⁶⁷ Ibidem, 115.

⁶⁸ Ibidem, 114.

⁶⁹ Mazarin «Lettres», VIII, 236.

изо дня в день»⁷⁰. Иностранцев привлекала к себе замкнутая жизнь английского посла в Париже, который не принимал визитов у себя и не отвечал на них другим. Наконец, 23 марта 1658 г. были утверждены пункты нового договора между Англией и Францией. Текст был составлен на латинском и французском языках. Предшествующий договор 1657 г. признавался действующим. К нему были добавлены шесть новых пунктов. Среди них имелись такие: прежде всего будет предпринята осада Дюнкерка с суши и с моря между 20 апреля и 10 мая; после взятия Дюнкерка английский флот в том же составе, какой он имел при осаде, направится в расположение французского командования, чтобы содействовать осаде Гравелина, которая должна быть предпринята до сентября 1658 г. или, в крайнем случае, в марте 1659 г.; было назначено дополнительное жалование 6 тысячам английских добровольцев. Франция обязывалась не договариваться с Испанией о мире иначе, как с согласия протектора Англии. Действие договора было ограничено снова одним годом⁷¹. Договаривающиеся стороны назвали вырабатанные условия Шампанским договором.

Почти одновременно с этим событием венецианский посол в Париже выяснял отношение Локкарта к мирным предложениям, исходившим от Испании, и встретил с его стороны положительный ответ. Локкарт заявил, что его повелитель, конечно, желает мира, особенно ввиду внутренних осложнений и огромных убытков, понесённых англичанами, как одной из самых преданных торговле наций⁷². В беседах между Локкартом и венецианским послом в Париже, которые повторялись неоднократно, ставился вопрос о месте созыва будущего мирного конгресса⁷³.

Французская дипломатия видела в этих переговорах попытку оторвать Англию от Франции, изолировать последнюю и нанести ей поражение, объединив против неё европейские государства. На этот раз дальше дипломатических разговоров о месте созыва мирного конгресса дело не пошло.

Дюнкерк был взят союзниками и отдан англичанам. Совместные военные успехи во Фландрии сближали союзников. В письме Мазарини от 16 июня 1658 г. выражена радость не только по поводу взятия Дюнкерка, но и по поводу того, что у врага погибла почти вся пехота, потерю которой трудно восполнить⁷⁴. Правительства Франции и Англии обменялись дипломатическими визитами и подарками по поводу одержанной победы. Но небо недолго оставалось безоблачным. Мнение французского общества раздвоилось. Одни (большинство) сожалели о взятии Дюнкерка; другие (меньшинство) радовались этому. Судя по тому, что взятием Дюнкерка был доволен Мазарини, который связывал с этим гибель почти всей старой испанской пехоты, можно думать, что его враги держались противоположного мнения. Это различие в оценках совершившегося факта выступало в общественном мнении и Франции и Англии⁷⁵.

Смерть Кромвеля была вторым важным событием, повлиявшим на дипломатические отношения Франции и Англии. Мазарини скоро позволил себе акты, нарушавшие договор с Англией. Уже в сентябре он имел длинную беседу с вдовствующей королевой Англии. Он предлагал помочь её сыну вернуть королевство, если возможно сделать такую попытку с известными шансами на успех⁷⁶. С другой стороны, Мазарини, уверяя в письме к Локкарту, что король Франции питает чувства дружбы к Ри-

⁷⁰ Venetian Calendar, XXXI, 150.

⁷¹ Mazarin «Lettres», VIII, 329; С. XXXI, 145.

⁷² Venetian Calendar, XXXI, 193.

⁷³ Ibidem, 193.

⁷⁴ Mazarin «Lettres», VIII, 430.

⁷⁵ Ibidem.

⁷⁶ Venetian Calendar, XXXI, 245.

чарду Кромвеллю и всей его семье, заявлял, что, к сожалению, состояние финансов Франции не позволяет ей оказывать Англии денежную помощь⁷⁷.

В ноябре в Париже Локкарт ещё имел совещания с королём и Мазарини о подготовке планов будущей кампании; в начале декабря он прибыл в Лондон для того, чтобы продолжить эту работу, встречаясь с руководящими лицами английского правительства. В это время произошло новое событие, которое изменило все планы и предположения.

В письме от 13 декабря 1658 г. Мазарини сообщал французскому послу в Лондоне Бордо, что из Испании прислан А. Пиментелли с секретным поручением передать решение испанского короля не откладывать более брак инфанта, его дочери, с французским королём и обсуждение условий мира между обоими коронами. Взвесив все обстоятельства дела, Мазарини объявил Пиментелли, что Франция и Англия склонны изучить мирные предложения, которые он им делает⁷⁸. К этому времени в Англии среди лондонской буржуазии сложилась влиятельная группа сторонников мира с Испанией. Она состояла из лиц, которые вели раньше торговлю с Испанией и стремились её возобновить. Сюда примыкали лица, находившиеся в тайных сношениях со Стюартами, союзниками Испании.

Дипломатия Испании в период войны с Францией и Англией стремилась найти союзников в Западной Европе, получить от них реальную поддержку, опереться на силы, враждебные существующим правительствам Англии и Франции, внести раскол среди союзников, вывести одного из них (Англию) из войны и тогда обрушиться на другого. Испанский король носил титул католического величества; казалось бы, его дипломатия должна была идти в ногу с дипломатией Ватикана, но этого не было, так как последняя выдвигала и отстаивала всюду, где было возможно, идею мира между Испанией и Францией, стремилась сплотить католические государства Западной Европы в противовес попыткам объединения протестантских держав. Примирение двух монархий неизбежно привело бы к ослаблению международного значения протектора Англии. Между тем папа сильно опасался его влияния на европейские дела и покушений английского флота на Аппенинский полуостров.

Невзирая на различное отношение папской и испанской дипломатии к вопросу о мире с Францией, обе дипломатии относились положительно к стремлению Карла Стюарта стать английским королём. В этом нельзя не видеть проявления социальной природы испанской монархии. «Ту самую политику, которую известная держава, известный класс внутри этой державы вёл в течение долгого времени перед войной,— говорит Владимир Ильич Ленин,— неизбежно и неминуемо этот же самый класс продолжает во время войны, переменяя только форму действия»⁷⁹.

Уже во время разрыва отношений между Англией и Испанией последняя содействовала распространению слухов о предполагаемой поддержке Карла Стюарта⁸⁰. С разрешения испанского правительства он весной 1656 г. из Кельна переезжает во Фландрию, чтобы быть ближе к театру военных действий и к Англии — главной цели его стремлений. Некоторые современники, наблюдавшие за ходом политических событий, сомневались в том, что могут извлечь испанцы из пустого авторитета королей Англии, окончательно лишённых власти, не имевших партии и не осведомлённых о делах Англии⁸¹. Но они ошибались. В руках

⁷⁷ Mazarin «Lettres», IX, 64.

⁷⁸ Ibidem, 115.

⁷⁹ Ленин. Соч. Т. XXX, стр. 333.

⁸⁰ Venetian Calendar, XXX, 111, 119.

⁸¹ Ibidem, 196.

испанской дипломатии Карл Стюарт, его двор и его сторонники сыграли свою роль как средство ослабления кромвелевской Англии.

31 марта 1656 г. Джаварина доносил дожу и сенату Венеции из Лондона, что близость короля может вызвать восстание среди тех, кто дурно настроен по отношению к правительству, и последнее предпринимает суровые меры против возможных попыток восстания⁸².

Появление короля во Фландрии вызвало немедленное усиление прикрывавшихся его именем пиратских операций против торговых английских кораблей⁸³. Вредить английской торговле входило в планы испанского главного командования. Наконец, Карл Стюарт был полезен испанцам как информатор, который мог дать сведения о положении дел в Англии ввиду тех связей, которые он с ней сохранял⁸⁴.

Весной же 1656 г. стал готовиться договор Карла Стюарта с испанским королём. В совещаниях с ним принимали участие Дон Хуан австрийский, принц Конде и др. На первых же порах выступает принц Руперт, предложивший Карлу свои услуги, где это будет нужно. Один этот факт указывает на военные задачи, поставленные тогда на совещаниях с участием Карла Стюарта. Испанское правительство предоставило город Брюгге для местопребывания Карла и его малого двора и отпустило средства на его содержание. В августе 1656 г. во Фландрию был привезён ратифицированный договор между испанским королём и Карлом Стюартом, содержание которого держалось в глубокой тайне. Тем не менее уже 3 сентября Зсорло мог снять копию с информационного письма, полученного из Брюсселя и содержащего изложение основных пунктов договора⁸⁵.

Испания обещала оказать военную и финансовую помощь для восстановления Карла Стюарта на троне. За это должна была быть предоставлена религиозная свобода всем католикам в Англии, а также обеспечено содержание католической церкви в Ирландии.

Нельзя не согласиться с анонимным автором этой информации, что это, в сущности, был наступательно-оборонительный союз между Испанией и английской контрреволюцией⁸⁶. Фландрия становится местом сбора всех сторонников Карла Стюарта, которые прибывали сюда из Франции, Голландии и Германии. Имя Карла Стюарта было использовано для отправки сюда 8 тыс. немцев, присланных императором, который таким образом мог помочь испанским Габсбургам, формально не нарушая Мюнстерский трактат⁸⁷. Были изданы приказы для сбора двух ирландских полков, одного шотландского и одного английского⁸⁸.

Эти всеенные силы собирались для вторжения в Англию. Правда, вторжение не осуществлялось в силу неоспоримого господства англичан на море, но испанцы всё же получили дополнительные военные отряды. Это собрание военных сил содействовало некоторому оживлению в Шотландии, Англии и Ирландии контрреволюционного движения, против которого О. Кромвелю пришлось принимать суровые меры.

Испанская дипломатия в своих планах наткнулась на одно серьёзное препятствие: на недостаток денег, необходимых и двору Карла Стюарта и его военным отрядам. Не получая достаточного содержания, набранные войска стали таять. Двор Карла Стюарта получал субсидии от императора, от принцессы Оранской и других лиц. Он жил безалаберно, но весело. «Карл и его двор усиленно развлекаются представлениями труппы французских комедиантов, особенно в воскресный день. Я думаю,

я скажу правду, что больших мерзостей никогда не бывало у людей, чем в этот день. Прелюбодеяние, пьянство, адюльтер не считаются грехом среди них...»⁸⁹

Отправленный весной 1657 г. к императору посланник Карла Стюарта не добился у него приёма и вёл беседу с его министрами. Он сообщал, что у его короля 5 тыс. людей нагове и 3 тыс. джентльменов, и они не покинут его, но не хватает денег; испанцы ассигновали ему только 25 тыс. крон в месяц; продовольствие поступало скудно. Он просил поддержки, обещая большие выгоды для католической религии, если удастся восстановить короля Карла на его троне. Он посетил также курфюрстов на Рейне. Все принимали посланника любезно, но не оказали ему денежной помощи. В рейхстаге в Ратисбоне снабдили его некоторыми из тех месячных платежей, которые назывались *Romano*, в сумме до 100 тыс. флоринов⁹⁰. Карл Стюарт должен был самостоятельно изыскивать средства для своего предприятия и связываться для этого с германской империей, как связывалась с ней и испанская монархия. Получался политический контакт Стюартов, испанских и австрийских Габсбургов.

Но испанская дипломатия не считала себя раз и навсегда связанной договором со Стюартами. Она имела и другую линию, стремясь оторвать Англию от Франции и заключить с Кромвелем мир, чтобы собраться с силами и раздавить Францию. Для этого она была готова пожертвовать договором с Карлом Стюартом. В испанском правительстве были люди, желавшие избежать войны с Англией. Эта группа существовала уже в начале конфликта. Венецианский посол в Мадриде Джакомо Квирини писал 17 июля 1655 г. дожу и сенату Венеции: «Граф Пеньяранда представил бумагу королю, где он защищал искренность Кромвеля солидными аргументами... Дон Луи также не может примириться с идеей, что Англия идёт на разрыв, нарушая своё достоинство; он пошёл так далеко, что сказал, что Кромвель — его большой друг»⁹¹.

Таким образом, правящие круги Испании раскололись: одни были сторонниками мира с Англией, другие — войны. Впоследствии, когда уже началась война с Англией и был выработан договор с Карлом Стюартом, публикация его была признана испанскими дипломатами недопустимой, так как это затруднило бы возможное соглашение с Кромвелем. Идея мира с Англией не была забыта и позднее. Выразителем этой идеи был один из самых искусных дипломатов Испании Пеньяранда, планы которого хорошо освещаются в письмах Мазарини к полномочным послам Франции — Грамону и Лиону, отправленным в Германию в 1658 году.

В письме 11 января 1658 г. Мазарини говорил: «Ни Пеньяранда, ни испанский совет не верят, что есть другое средство помешать нашему успеху... иначе, как отделить англичан от нас и заставить их воевать с нами»⁹².

В апрельском письме тем же полномочным послам Мазарини писал, что Пеньяранда всеми средствами намерен привлечь на свою сторону англичан и затем решительно продолжать войну с Францией, расширить круг воюющих с ней держав или, как выразился Мазарини, «вменить всему миру в обязанность помогать всеми средствами Австрийскому дому в войне, которую он будет принуждён продолжать против Франции»⁹³.

Течение за мир было и в Англии, среди торговых кругов, пострадавших от прекращения торговли с Испанией, но слабое; в конце войны оно усилилось.

⁸² Thurloe «Papers», V, 645.

⁸³ Venetian Calendar, XXXI, 32.

⁸⁴ Ibidem, XXX, 81.

⁸⁵ Mazarin «Lettres», VIII, 251.

⁸⁶ Ibidem, 340.

⁸² Venetian Calendar, XXX, 198.

⁸³ Calendar of State papers, 1656, 293.

⁸⁴ Thurloe «Papers», V, 307.

⁸⁵ Calendar of State papers, XXXI, 59.

⁸⁶ Thurloe «Papers», V, 344.

⁸⁷ Ibidem, 319—320.

⁸⁸ Venetian Calendar, XXX, 263.

В донесении от 20 декабря 1658 г. Джаварина сообщал: «Разговоры о мире между Испанией и Англией продолжаются, но я предполагаю, что это исходит больше от купцов, которые желают мира от всего сердца, чем от членов правительства, хотя некоторые из них намекали, что они не против того, чтобы заключить договор, если это будет предложено»⁹⁴. Другие цели ставила себе испанская дипломатия в отношении к Франции, к которой относилась с большей непримиримостью.

В эпоху фронды Испания заключила союз с принцем Конде, сеньором, имевшим не только вассалов и подданных, но и полки, повиновавшиеся только ему, и губернаторства, в которых признавались только его распоряжения. Этот феодал от своего имени и имени других феодалов — своих союзников принца Конти, Анны Бурбон, герцогини Лонгевиль и т. д. — заключил с испанским королём договор, как равный с равным. Он стал союзником Испании, потому что был врагом французского абсолютизма. Имея своим союзником Конде, Испания ослабляла Францию, поддерживая процесс её распада, так ярко выразившийся во фронде, участниками которой были Конде и его союзники. Таким образом, когда испанская дипломатия вступала в договорные отношения с Карлом Стюартом, она следовала по проторённому уже пути: она в обоих случаях опиралась на реакционные силы, задерживавшие социально-экономический рост страны. К этому надо добавить, что испанские Габсбурги были связаны узами дружбы с австрийскими, которые оказывали им военную и дипломатическую поддержку. Испанская дипломатия стремилась также использовать давно обнаружившиеся противоречия между Англией и Соединёнными провинциями.

В истории англо-французской войны с Испанией большое значение имел вопрос о позиции Соединённых провинций. Они были территориально близки к главному театру военных действий и, естественно, были сильно заинтересованы в том, какая сторона и в какой мере выиграет войну. Кроме того английский флот ставил под свой контроль голландскую торговлю, чтобы осуществить блокаду морских границ Испании и, в частности, прервать связи Испании с Восточной Индией, откуда она получала золото и серебро. Этими мерами были нарушены сложившиеся торговые связи голландцев. Утверждение Англии на фландрских берегах открывало ей широкие возможности для контроля над проливом, отделяющим Англию от Фландрии, над важнейшей дорогой к жизненным центрам Голландии⁹⁵.

Усиление Франции за счёт более слабого соседа — Испании — также не сулило радужных перспектив тем политикам, которые умели предвидеть будущее. Рассуждая о намерении англичан усилить свою Средиземноморскую эскадру, Джаварина писал дожу и сенату Венеции 6 декабря 1658 г., что англичане в союзе с французами намерены осуществить большие дела, они будут стремиться прежде всего подорвать голландцев, не давая им более возможности безопасно плавать в океане, Балтике и по Средиземному морю. Эти слова находят себе объяснение в том конфликте, который произошёл между Голландией и Португалией из-за Бразилии.

Вестиндская голландская компания, поддержанная своим государством, уже давно стремилась овладеть Бразилией, португальской колонией. Борьба тянулась в течение 30 лет (1623—1654) с переменным успехом. Бразилия осталась за Португалией, но последняя по договору с Англией открыла ей свободный доступ для торговли в своих владе-

ниях⁹⁶. Война Англии с Испанией, с которой также воевала и Португалия, была для голландцев удобным моментом снова предъявить свои претензии на Бразилию.

В феврале 1656 г. в Лондоне было получено сообщение от экипажа трёх кораблей, пришедших из Индии с корицей, перцем и сахаром, о том, что голландцы господствуют в тамошних водах, заперли португальцев в их крепостях, как если бы их дома были их тюрьмой⁹⁷. 13 мая 1656 г. голландцы захватили гор. Коломбо на о. Цейлоне, а затем почти весь принадлежавший португальцам остров, откуда поступала корица и много других специй и москательных товаров большой ценности. Они же завоевали гор. Гоа при поддержке жителей Декана, желавших освободиться от власти португальцев, и имели вооружённое столкновение с английским кораблём при его попытке войти в гавань Гоа⁹⁸.

На фоне питаемого событиями подозрительности, при свежих ещё воспоминаниях о недавней войне и навязанном голландцам англичанами Навигационном акте, при открытой враждебности в колониях испанская дипломатия взяла на себя задачу окончательно посорить Голландию с Англией и втянуть её в войну, как своего союзника. Английская же дипломатия стремилась удержать Голландию в рамках нейтралитета. Таким образом, Соединённые провинции оказались под воздействием двух враждебных дипломатий — английской и испанской. Первую поддерживала французская, а вторую — дипломатия австрийских Габсбургов, Дании и некоторых германских государств.

Уже в июле 1655 г. испанский посол в Гааге Эстебан де Гамарра получил инструкцию предложить Соединённым провинциям «союз сердец и сил» против великой мощи английского флота⁹⁹. В сентябре, когда война с Испанией уже начиналась, настойчивые инструкции были посланы из Мадрида Гамарре в Гаагу. Они содержали проект союза с Соединёнными провинциями и общей мести Англии. В июне 1656 г. испанский посол предупредил Соединённые провинции, что союз между королём Швеции и протектором направлен против Дании и Голландии¹⁰⁰.

Чтобы втянуть голландцев в войну с Англией, Испания предлагала им Дюнкерк с тем, чтобы они защищали его, поскольку предполагается атака его соединёнными силами союзников. «Вспыхнет огонь, который трудно будет потушить»¹⁰¹. — говорит современник. Давление испанского посла на правительство Соединённых провинций продолжалось и позднее, с целью добиться от него решения о войне с Англией, что послужило бы на пользу Испании.

Осенью 1657 г. Гамарра от имени испанского короля стал обещать голландцам Бразилию, если они начнут войну с Португалией и таким образом помогут испанцам, облегчат им военные предприятия в этом королевстве, которым испанцы хотят овладеть. Английская дипломатия наблюдала за позицией Соединённых провинций и принимала свои контрмеры. Так как самые острые противоречия между Англией и Голландией были на море главным образом из-за контрабанды, т. е. из-за перевоза военных товаров, то Англия выдвинула проект морского договора. «Английские комиссары почти ежедневно бывают в голландском посольстве, — пишет Джаварина 8 сентября 1656 г., — для заключения морского договора между двумя нациями, о чём так долго шли переговоры»¹⁰². Морской договор не был заключён, но его несколько раз выдвигала английская дипломатия, очевидно, как средство для предупреждения

⁹⁶ См. нашу статью в «Историческом журнале» № 5—6 за 1943 г., стр. 50.

⁹⁷ Venetian Calendar, XXX, 175.

⁹⁸ Ibidem, XXXI, 76.

⁹⁹ Ibidem, XXX, 88.

¹⁰⁰ Thurlow «Papers», V, 228.

¹⁰¹ Venetian Calendar, XXX, 297.

¹⁰² Ibidem, 259—260.

⁹⁴ Venetian Calendar, XXXI, 274.

⁹⁵ Ibidem, 287.

возможных конфликтов или даже как военный громоотвод. Англия совместно с Францией составила декларацию о праве обыскивать корабли Соединённых провинций, когда идея морского договора не осуществилась.

Ответом Соединённых провинций явилось формирование эскадры из 50 кораблей (март 1657 г.) для охраны моря и торговли, для сопротивления насилию англичан при обыске кораблей, для устранения французских пиратов¹⁰³. Отношения обострялись. Но голландцы хорошо понимали, что разрыв с Англией очень невыгоден. Как раз в это время кромвелевский посол в Англии Локкарт заявил, что Англия нуждается в кораблях как для войны с Испанией, так и в связи с теми подозрениями, которые внушают голландцы своей морской торговлей и особенно усилиями обеспечить индийский форт Испании¹⁰⁴.

Когда голландский флот пошёл к Лиссабону, имея на борту комиссаров, чтобы требовать уступки Бразилии, когда фактически между Португалией и Голландией начиналась война, Англия в это время восстановила свою старую Остиндскую компанию и приняла участие в ликвидации конфликта дипломатическим путём. В Гаагу направлен был Даунин в качестве резидента протектора, чтобы облегчить соглашение при содействии французского посла. Даунин, получив хороший приём в Гааге, передал желание Кромвеля сохранить лучшие добрососедские отношения, невзирая на слухи, исходящие от врагов Голландии, что забота голландцев только извлекать выгоду, ловя рыбу в мутной воде и поднимая всюду злобу против современного английского правительства¹⁰⁵.

Когда Дюнкерк перешёл в руки англичан, увеличилась тревога голландцев, которые видели в этом большой ущерб для своей торговли. «Голландцы, — по выражению Джаварины, — окажутся как бы запертыми в клетке, и их корабли будут платить дань больше, чем теперь, спуская свой флаг при виде английского корабля»¹⁰⁶. Но свобода действий голландцев была связана предусмотрительным шагом английской дипломатии, которая заключила договор со Швецией, самой сильной державой на Балтийском море, где сосредоточена была главная торговля голландцев. Успехи шведского короля в это время в войне с Данией сильно задевали интересы голландцев, так как к нему мог перейти безраздельно контроль над Зундом, через который ежегодно проходили тысячи голландских торговых судов. Не рискуя одновременно воевать с Англией и Швецией, они направили в Лондон Ньюпорта, которому пришлось заниматься против жалобы, поданной Остиндской компанией по поводу захвата голландцами трёх английских кораблей, шедших из Бентама с богатым грузом¹⁰⁷.

В то время как англо-французская война уже кончилась, и Испания сделала мирные предложения Франции, возможность вооружённого конфликта между Англией и Соединёнными провинциями ещё не была исключена из-за Зунда, где голландцы не могли допустить господства Швеции. Английский флот во главе с флагманским кораблём, носившим революционное имя «Незби», двинулся к Зунду (март 1659 г.), туда, где давно уже находился голландский флот. Обе страны спешно готовили новые военные корабли. Но вооружённое столкновение было избегнуто, и на этот раз Англия, Голландия и Франция 21 мая 1659 г. заключили договор о том, чтобы обязать датского и шведского королей к миру и сделать свободным и беспощинным проход через Зунд и Бельт для кораблей договорившихся стран¹⁰⁸.

¹⁰³ Venetian Calendar, XXXI, 26.

¹⁰⁴ Ibidem, 93.

¹⁰⁵ Ibidem, 176.

¹⁰⁶ Ibidem, 214.

¹⁰⁷ Ibidem, 284, 237.

¹⁰⁸ Dumont «Corps universel diplomatique du droit des gens», VI, II, 252—253.